

Наконец-то свершилось: дети вытащили меня с женой на канатную дорогу. До сих пор удивляюсь: как они смогли это сделать? Когда мне перевалило за пятьдесят, я стал несколько тяжеловат на подъём, а может, просто было лень, но признаваться себе в этом как-то было неохота. Не торопясь, проехали через Красноярск и выбрались в местечко Бобровый лог, которое представляет собой развлекательный центр, где собственно и берёт начало канатная дорога, ведущая туда, на вершину хребта. На «Столбы»! Взяли в кассе билеты и чинно разместились вдвоём с женой на четырёхместном сиденье подъёмника. День будний, народу мало, соответственно, места много.

Дух захватило метров через сто, когда земля под негромкое постукивание креплений сиденья на опорах быстро убежала вниз. Вот такое вот открытое нахождение на подъёмнике, на мой взгляд, производит гораздо большее впечатление, чем в закрытой кабине. Минут через десять прибыли на благоустроенную смотровую площадку, но задерживаться на ней не стали, а сразу же по гребню потопали дальше. Дети полезли на первое же попавшееся нагромождение гигантских валунов, и я, поддавшись непонятному азарту, охватившему меня с того самого момента, когда уселся на подъёмник, полез вслед за ними, решив, как говорится, тряхнуть стариной.

Попыхтеть, конечно, пришлось, но я справился и, благополучно добравшись до верха, глянул вниз. Сердце замерло! Прямо под моими ногами раскинулась пропасть, на дне которой расстелился сплошной зелёный ковёр, в котором из-за высоты отдельные деревья почти и не угадывались! Несколько мгновений стоял, раскрыв рот, ловя себя на мысли, что сердце-то не бьётся! С трудом вытолкнув из лёгких ставший вдруг густым и осязаемым воздух, осторожно отступил от края пропасти и опустился на кстатиде подвернувшийся валун.

В благословенные советские времена, в начале семидесятых, когда я учился во втором классе, я ездил со своими родителями на «Столбы». Единственное, что мне запомнилось, так это то, что мы долго поднимались пешком, и то, что я с маниакальным упорством, достойным лучшего применения, долго

штурмовал крутую стенку обломка скалы, имевшего название «Слоник», и ободрал при этом коленку! А вот такой захватывающей дух высоты я не помню: скорее всего, родители просто не подпускали меня к краю.

Дети с женой ушли дальше, а я всё сидел и смотрел. Зрелище было невероятное! За этой грядой, на которой я сейчас находился, начиналась тайга, самая настоящая. Огромная, без конца и края. Это лесное море простиралось до горизонта! Но я знал, что и там, дальше, она продолжается.

Продолжается опять до горизонта, и так бесчисленное множество раз. На нашей Земле есть много впечатляющих мест: это и всевозможные каньоны, и водопады, и горы. Но такая тайга только одна, она есть только в России! Только гигантская Россия смогла вместить в себя невероятную по своим размерам Сибирь, на половину территории которой до сих пор не ступала нога человека. И, возможно, не ступит ещё сотни лет!

Солнце потускнело, и где-то там, вдалеке, зародилось тёмное пятно, которое быстро приближалось, постепенно превращаясь в огромного чёрного монстра, занявшего половину неба. Этот монстр, клубясь и порывая, приминая своей тёмной тяжестью гребёнку леса, торопливо полз в мою сторону! Он спешил сюда, ко мне, к людям, которые жили с другой стороны горного хребта, там, возле реки. Но он не смог пробиться через вздыбившиеся ему навстречу скалы, похожие на когти неимоверного по своим размерам хищника! Эти когти расправили чёрное брюхо монстра, из которого на тайгу пролилась радуга! Огромная радуга, чёткая и ясная, которая одним своим концом упиралась в скалу, на которой сидел я, а другой её конец был где-то там, вдалеке, возле горизонта! Стало опять

светло, и вновь выглянуло спрятавшееся было солнце. Я провёл ладонью по лицу, и, хотя дождя здесь не было, лицо было влажным, ветром всё же водяную взвесь донесло и до меня!

Посмотрел на часы. Прошёл уже час, как я забрался на эту невысокую со стороны тропы скалу; честно говоря, я думал, что прошло минут двадцать, не больше. Значит, надо идти, а то мои волноваться начнут. Встал и, отвернувшись от тайги, посмотрел на город, раскинувшийся километров на сорок вдоль могучего Енисея.

Большой город, с миллионным населением, со своими огромными заводами и фабриками, кучей университетов и институтов, с музеями и театрами, со всем тем, что присуще цивилизованному миру. В этом мире постоянно что-то происходит, этот мир постоянно изменяется, он суетливый, он не может стоять на месте! Этот цивилизованный мир жив только потому, что он, как акула, находится в постоянном движении. Если цивилизация замрёт в своём развитии, она, как эта самая акула, и утонет. Погибнет. А вот здесь, с другой стороны, прямо под моими ногами раскинулась древность! Раскинулось пространство, которому тысячи лет! Пространство, невероятное расстояние которого навсегда занято тайгой. Тайгой, в которой ещё тысячи лет ничего не изменится! Она была здесь до человека, она останется и после его возможного исчезновения.

На обратном пути задержались на смотровой площадке, и пока жена с детьми ушла фотографироваться, я устроился на удобной скамейке и просто стал смотреть на город, ловя себя на том, что мне постоянно хочется оглянуться назад, туда, где дремлет в своём тысячелетнем спокойствии тайга.

На смотровую площадку зашла группа молодых людей,

одетых по-походному, у некоторых из них были рюкзаки. Ребята расположились на соседних скамейках и стали негромко переговариваться о чём-то. Некоторые из них разговаривали с явным прибалтийским акцентом, с которым я очень хорошо познакомился ещё в начале восьмидесятых, когда в течение полугода проходил службу в учебной дивизии в Литве.

Эти молодые люди пришли с другой стороны, не оттуда, куда ходил я, а, скорее всего, их группа побывала там, где стоят более «дикие» «Столбы»! Разглядывая ребят, я вдруг понял, почему они говорят так тихо, почти шёпотом. Они были просто подавлены тем, что увидели, и, скорее всего, на уровне инстинкта, боялись повышать голос, чтобы не разбудить пресловутого русского медведя, который находился совсем рядом, за грядой. Медведя, которого их далёкие предки по своей глупости уже несколько раз дразнили и вынуждали его вставать во весь рост и показывать свои когти. Медведя, которого уже в наше время их толерантные правители стали опять дразнить и тыкать в него палкой, невзирая на генетический страх перед ним! Прекрасно осознавая, что если этот медведь разозлится, то наверняка под его когтями пропадёт тот, кто позволил себе это сделать!

Нет, я ничего не имею против иностранных туристов, пускай едут, смотрят, это даже полезно для них. Может быть, кому-то из них волей случая придётся принимать решения на государственном уровне, и, может быть, он вспомнит то, что видел, и поймёт, что гораздо лучше, когда этот медведь спокойно спит.

Пришли дети, притащили мороженое и стали разговаривать между собой, обсуждая что-то своё, молодое, что-то очень важное для них и то, что уже совершенно не понимал я, окончательно запутавшись в их компьютерных терминах! Прибалтийская молодёжь стала недоуменно поглядывать на них, по всей вероятности, не понимая, как можно в таком месте громко разговаривать. Но моим детям было можно, они и были частью этого самого медведя, и я был его частью, и вот этот город на берегу реки тоже был его частью! И вообще, все мы являемся частью одной страны, которую боятся враги и которую уважают друзья!

Подошло время, и мы, опять рассевшись по креслам подъёмника, поехали вниз. Наши прибалтийские друзья ещё раньше ушли по тропе пешком. Всё то недолгое время, что потребовалось канатной дороге, чтобы доставить меня вниз, я убеждал себя в том, что обязательно приеду сюда ещё раз. Уйду подальше, туда, где скалы выше и где дух захватывает сильнее и сердце колотится так, что его начинаешь чувствовать в груди! Я обязательно приеду! Я приеду!.. Я должен приехать, если смогу найти ещё раз то, чего всем нам всегда так не хватает!

Время...